

Матнас Кастер

28.09.06

демии художеств в Дюссельдорфе, проживающий параллельно и во Флоренции, а значит, неплохо знающий историю классической живописи, избрал для себя необычный материал – алюминий. Пишет он традиционными масляными красками, но делать это приходится с невероятной скоростью: недаром этот металл используют для самолетов, краску он впитывает моментально, попробуй тут исправить ошибку! Труд нелегкий – это ведь не камерные кубики-квадратики, а грандиозные композиции со многими действующими лицами, изображенными вполне натуралистически... Ирония в том, что представители среднего и старшего поколения должны бы не отворачиваться с брезгливостью от картин Кестера, а принять их на ура: его аналитический пафос обращен к современному "обществу потребления". У нас только народившееся, хоть и стремительно растущее, для западного немца оно вовсе не диковинка. Позади войны и голод, сексуальная революция; научно-технический прогресс из чуда перерос в сплошные удобства, не столько помогающие, сколько разобщающие... Более того, художник откровенно признается, что изучал жизнь через экран телевизора, поглощая терпкий коктейль из новостей дня, рекламы и артхаусных кинофильмов. Потому и персонажи его делятся на тех, кто мелькает по ту сторону экрана, и тех, кто пытается им подражать, стремясь свою незатейливую жизнь приблизить к целлулоидной сказке. Ох, и знакомые же мотивы для всех, кто хотя бы читал Ильфа и Петрова... Третья категория действующих лиц (наши поп-артисты наверняка вскоре включат ее в свои живописные саги) ходит на четырех лапах: пингвины, козы, верблюды, кабаны и прочие обитатели зоосада, которым немец препоручил роль героев глянцевого журналов, соотносясь уже не с литературой XX века, а с баснями Лафонтена и Крылова, а также с офортами великого Гойи: Кестер явно ощущает себя его преемником.

Блеск алюминия, местами оставленного незакрашенным, многозначен – возникают ассоциации с зеркалом, которое услужливо отразит себя, любимую, что "на свете всех милее", а также с низменным золотом-серебром, с пробивающим живописную плоскость светом... Но легко предположить, что это и блеск великосветского общества, представителям которого жаждут уподобиться многочисленным красотки с картин Кестера. Во всяком случае, они не жалуют сил и средств, готовы даже вытерпеть адскую боль только для того, чтобы приумножить свои зримые прелести. Там и сям полосы металла под очаровательными личиками обозначают бинты: вспомните заглавие выставки, где говорится о пластической хирургии. Нет, это вряд ли национальная идея, но масштабы модного поветрия она уже явно переросла. Неслучайно самая большая, во всю стену, картина с не сразу понятным девизом "Да, сейчас!" изображает не что иное, как момент перед тем, как милостивой героине дадут наркоз, а суровый человек в зеленом халате включит прибор, отсасывающий... подкожный жир. Идет борьба не за

жизнь, а против лишних килограммов – но борьба нешуточная, прямо-таки смертный бой! Рубенс и Тициан удивились бы, а нам все ясно: у самих те же проблемы... Впрочем, некоторым особо непонятливым надо пояснить, что это за сеточки-матрицы на щеках и лбу, куда ласково вонзается "Маленький шприц". Но и мы, сегодняшние русские, становимся – нет, не мишенью для сатиры, поскольку жалостливый Кестер всего лишь изучает европейское общество, а Москву не сбросить со счетов, – но вполне естественным объектом наблюдения. Будто нам в назидание устроители выставки в боковом зале крутят культовый фильм Марко Феррери "Большая жратва." Бунюэль, Феллини, Лилиана Кавани могут быть перечислены в ряду учителей живописца на таком же основании, как Густав Курбе, Макс Эрнст и Сальвадор Дали: Кестер собирает в роскошный пазл культуру двух последних столетий, хорошенько провернув ее в мясорубке компьютерного сегодня.

Идолы современной массовой культуры против простых смертных, жаждущих хоть на мгновение озариться их отраженным светом: как тут не вспомнить Уорхола и пресловутые "15 минут славы"! Пусть эта слава – в хронике происшествий, например об аварии с великолепным "Bugatti" и его очаровательной водительницей. По счастью, Матиасу Кестеру безразличны переживания не только Шарлотты Рэмплинг или Клауса Кински (он то и дело варьирует портреты "икон" кинематографа) – ему не чужда и боль безвестных персонажей, ведь они живые. Живописец из Германии, залетевший в Москву, только маскирует гуманистическое мировоззрение, до которого нашим соотечественникам с кистью в руках порою жутко далеко, холодным блеском металла.

Елена ШИРОЯН
Фото Игната ДАНИЛЬЦЕВА

В алюминиевой пустыне

Обманчивое сходство с новейшим "критическим реализмом" дуэта Д&В просматривается на выставке Матиаса Кестера "Make over. Пластическая операция", занявшей половину Московского музея современного искусства. Пространство в Ермолаевском переулке немецкий художник 45 лет от роду делит с советским живописцем – покойным ныне Альбертом Папикяном. Выставка к 80-летию со дня рождения этого мастера натюрморта и романтического пейзажа на удивление остро оттеняла дистанции огромного размера, отделяющие нынешние поколения от шестидесятников. Причем зрители ушли не менее далеко, чем авторы: по свидетельству музейных смотрительниц, на Кестера ходят, с удовольствием разглядывая его странные, раздражающие этих строгих дам полотна, в основном молодые посетители. Впрочем, упомянутые экспонаты только с большой натяжкой можно назвать полотнами: выпускник Ака-

Кустодиев
4 сн.

2006 - 28 сн.
с. 10.